

К ВОПРОСУ О ПАСТЫРСКОМ ДОЛГЕ ВОЕННОГО СВЯЩЕННИКА НА ПОЛЕ БОЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война застала военное духовенство в полной готовности к несению службы. Некоторые советские авторы даже считали, что священники были оповещены заранее о предстоящей войне, о чем свидетельствовало проведение Первого Всероссийского съезда военного и морского духовенства в Петрограде с 1 по 10 июля 1914 года. Например, в 1930 году был опубликован цикл лекций Ф. Ковалева «Православие на службе самодержавия в России», где автор утверждал, что священнослужители раньше других узнали о скорой войне: «никто еще из рабочих и крестьян не знал, что война будет, а попы об этом уже были хорошо осведомлены. И немудрено, ведь они должны были провести подготовительную работу» [1, с. 51]. Подготовительной работой как раз и стал съезд, где, как писал советский автор, священники обсуждали «что нам полковым священникам делать?» и «как оказывать влияние на массы, чтобы эти массы не бунтовали, а шли воевать?» [1, с. 51]. Если исключить характерную для советского времени атеистическую трактовку некоторых задач, обсуждавшихся на съезде, то с автором можно согласиться. Действительно, Первый Всероссийский съезд военного и морского

духовенства смог внести ясность для священников ведомства о том, как должна быть организована их работа и что входит в их обязанности.

На съезде была составлена памятка-инструкция для полковых священников, однако обращаться к ней могли и другие категории военного духовенства. В памятке четко прописывалось, что должно стать долгом священника на войне: во-первых, необходимо было постоянно молиться, «чтобы Господь не оставил Своею милостью нашу Родину и Армию», а во вторых – всеми доступными способами будь то слово или дело, поддерживать моральные и духовные силы той части, в которой священнослужитель состоит [2, с. 597].

Для исполнения пастырского долга необходимо было решать целый ряд задач. Священник обязывался проводить богослужения в отведенное для этого время в любых условиях, будь то церковь или палатка, организовывать молебны до боя и панихиды после него, подготавливать хор из числа воинских чинов. Также ему в обязанности вменялось проведение бесед с военнослужащими, а также помощь в госпиталях и в медицинских обозах: каждый священник должен был научиться перевязывать раны, писать родственникам погибших воинов об обстоятельствах и месте их смерти.

Показательным являлось требование пребывать во время боя на передовом перевязочном пункте, где нужно было поддерживать и утешать раненых и умирающих. До Первой мировой войны священникам не выдвигалось требование быть в непосредственной близости к боевым действиям, теперь же, как отмечал в своих воспоминаниях протопресвитер Георгий Шавельский, в случае необходимости священник должен был идти вперед, будь то окопы, или даже за них, если этого потребует его долг [3, с. 94-95].

Некоторые случаи нахождения полкового священника на передовой были опубликованы на страницах периодической печати. Например, в № 1 «Вестника военного и морского духовенства» за 1915 год были опубликованы впечатления воинов, находящихся в Новгородских лазаретах о работе священников: «Священникам в эту войну нелегко. Раньше, бывало, священник с обозом, а теперь вместе с полком. Когда начинается бой, священник, благословив полк, отходит назад, и тут же, на поле сражения, принимает и напутствует первых тяжело раненых, очень часто помогая санитарам и врачебному персоналу поднять, поддержать и перенести их. Батюшки в эту войну так же привыкли к пулям и снарядам, как и мы» [4, с. 31].

Описывались и подвиги отдельных священников. Например, священник Соколовский стал одним из первых, чья смелость была отмечена на страницах «Вестника». Во всех сражениях, в которых принимал участие его стрелковый полк, священник был в самых опасных местах боя, всегда находясь рядом с воинскими чинами, тем самым

воодушевляя их. Во время одного из боев он лично возглавил отряд санитаров и, стоя на открытом месте, давал распоряжения об организации помощи раненым. Когда же был убит один из офицеров, он сам бросился к нему, чтобы убрать тело с поля боя, но был ранен [5, с. 307].

Сообщалось о гибели священников во время исполнения своего долга. Обычно в таких некрологах священников показывали самоотверженными, а их гибель героической. Например, смерть священника Александра Вознесенского. В некрологе сообщалось, что священник, совершив литургию, принял решение окропить святой водой окопы, и поддержать словом и молитвой роты, находящиеся в них. Окопы находились в открытой местности и под обстрелом, но священник не отказался от принятого решения: «Немцы открыли по нему огонь, но он шел вперед, не обращая внимания на пули. Благополучно прошел расположение четырнадцати рот и по чистому полю приближался к пятнадцатой роте; стрельба противника усилилась. В это время одна из пуль пронзила о. Александра в области сердца, он пал на землю и тотчас же скончался» [6, с. 145].

Публикация статей с таким содержанием преследовала несколько целей. С одной стороны, они показывали священника достойного, стойко исполняющего свой пастырский долг, и стремились передать то положительное воздействие, которое он оказывал на солдатские ряды. С другой стороны, эти статьи были призваны вдохновить основную массу военного духовенства следовать своему долгу на поле боевых действий.

Однако изучение циркуляров протопресвитера позволяет сделать выводы о том, что исполнение долга нахождения среди своей паствы во время боевых действий не всегда было добросовестным, а описываемые в периодической печати подвиги священников носили характер скорее эпизодический. Уже в октябре 1914 года протопресвитер разослал благочинным циркуляр, в котором сообщал, что до него дошли сведения о невыполнении священниками своего долга «служить всеми средствами воинским частям в трудные минуты боя» и уклонении ими от обязанности быть на передовом перевязочном пункте, находясь порой даже на обозах 2 разряда [7, л. 2]. Протопресвитер обещал принять в отношении нерадивых священников самые решительные меры.

Еще один циркуляр, тоже в октябре 1914 года, был адресован напрямую священникам действующей армии. В нем протопресвитер предупреждал, что тех священников, кто не был на передовой, а находился при обозах или далеко от перевязочных пунктов, кто оставлял раненых без поддержки, умирающих без напутствия, а погибших без погребения, он будет считать «не желающими выполнять свой священный долг, преступными пред Богом и пред Родиной» [8, л. 4].

Возвращение к данной проблеме в циркулярах 1916 и 1917 годов позволяет сделать вывод о том, что проблема со священниками, не

выполняющими свой служебный долг перед армией, решена не была. Требования протопресвитера к главным священникам армий фронтов и благочинным об усилении контроля и своевременном сообщении о недобросовестно несущих свою службу священнослужителях не имели успеха, а это, в свою очередь, подрывало авторитет священника в армии.

Список использованных источников

1. Ковалев, Ф. Православие на службе самодержавия в России / Ф. Ковалев. – М. : Безбожник, 1930. – 64 с.
2. Циркуляр о. протопресвитера военного и морского духовенства о.о. Благочинным // Вестник военного и морского духовенства. – 1914. – № 17. – С. 597-599.
3. Шавельский, Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота (в 2 томах) / Г. Шавельский. – Т. 2. – Нью-Йорк, 1954. – 412 с.
4. Газетные сообщения о деятельности духовенства на войне // Вестник военного и морского духовенства. – 1915. – № 1. – С. 28-32.
5. Пастырь-герой // Вестник военного и морского духовенства. – 1915. – № 10. – С. 307-308.
6. Памяти героя священника о. Александра Вознесенского // Вестник военного и морского духовенства. – 1916. – № 5. – С. 143-146.
7. Российский государственный исторический архив. – Ф. 806. – Оп. 5. Д. 10776. – Л. 2.
8. Российский государственный исторический архив. – Ф. 806. – Оп. 5. Д. 10776. – Л. 4.